

ПЕТР ПАВЛЕНСКИЙ
о русском акционизме

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б24

Интервьюер — *Анастасия Беляева*

Все иллюстрации предоставлены Петром Павленским
Издательство выражает благодарность *Оксане Шалыгиной*

Павленский, Петр.

П12 О русском акционизме / П.А. Павленский. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 288 с., илл. [16] – (Ангедония. Проект Данишевского).

ISBN 978-5-17-094344-9

«Зашивая себе рот на фоне Казанского собора, я хотел показать положение современного художника в России: запрет на гласность. Мне претит запуганность общества, массовая паранойя, проявление которой я вижу повсюду».

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литературно-художественное издание

Петр Павленский
О РУССКОМ АКЦИОНИЗМЕ

18+

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Подписано в печать 25.05.2016
Формат 60х90/16 Усл. печ. л. 18
Тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги и брошюры

Ответственный за издание *И. Данишевский*
Ведущий редактор *Е. Кравченко*
Дизайн обложки *В. Лебедевой*
Компьютерная верстка *А.Грених*

ООО «Издательство АСТ»
129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, строение 3, комната 5

ISBN 978-5-17-094344-9

© Павленский П.А., текст
© Беляева А.А.
© ООО «Издательство АСТ»

РАЗГОВОР ПЕРВЫЙ

— У тебя есть дети?

— Да, две девочки. Они в принципе так или иначе часть процесса. Они находятся рядом во время каких-то подготовок, каких-то еще вещей. Хотя я им изначально не объясняю, что и зачем. И конечно, я их никогда не беру именно на акции, потому что, когда все начинается, никогда не знаешь, чем это может закончиться. И вообще странно было бы брать детей для участия в том, что правоохранители упорно называют противоправным деянием, организованным по предварительному преступному сговору. Дети, конечно, в этом случае будут отвлекающим фактором. Но потом я показываю им всю документацию. Мне интересны их вопросы, какой у них будет ассоциативный ряд, как они воспримут происходящее.

Самое важное — то, что их никогда ничего не пугало. На самом деле эти бесконечные разговоры о том, что кто-то может испугаться, что эти сцены жесткости и так называемого насилия над собой, что это издевательство над собой и над чувствами горожан или гостей города... Это, конечно, вранье. Я смотрю на реакцию обеих, но ни одна никогда не была напугана. Им интересно, что там происходило, было больно или не было.

Им интересно, что осталось за кадром, как дальше развивались события. Что происходило в отделе и т. д. У них вопрос может быть — как ты это сделал? Она как-то видела, например, старший ребенок, «Фиксацию». Смотрела. А потом через полгода, спросила: «Как ты приколол?» — «Взял и прибил. Это же кожа». Я ей спокойно говорю, что это кожа, ничего такого. Она просто не поняла, как я это сделал. Просто вопрос: «Тебе больно?» — «Нет».

— Как ты им это объясняешь?

— Я как историю рассказываю: поехал туда, сделал то. Я могу сказать: чтобы показать положение людей. Но и это уже будет сложное объяснение.

— Самое сложное объяснение, что ты им давал: в стране все так плохо, и я протестую?

— Я не говорил даже так. Я могу сказать, скорее, что я показываю, в каком положении находится человек, который боится. Человек, который зафиксирован и позволяет с собой это делать. Нет, я так не делаю. Скорее как историю рассказываю. Они подошли туда...

— Если говорить про старшую дочь, она в первом классе, как я понимаю?

— Нет.

— Почему?

— Потому что детей принуждают носить школьную форму. Всех унифицируют по брюкам и юбкам одинакового цвета. Это верный признак наползающего тоталитаризма.

— Ты серьезно?

Школьная форма — да это признак. Не важно, в какой стране и в каком заведении этот признак присутствует. Это же унитаризм. Он есть и в религиях.

— Школьная форма — признак наползающего тоталитаризма, так?

— Да.

— В Англии тоталитаризм?

— Бывшая адская империя. Это один из признаков. Sex Pistols там до сих пор запрещают. Почитай про Маргарет Тэтчер, например.

— Я знаю про Тэтчер, ну была железная леди, теперь ее нет, а форма как была, так и осталась.

— И про то, как она реагировала на Ирландскую республиканскую армию.

Тэтчер нет, а Sex Pistols запрещают.

— Хорошо, а в Америке тоже тоталитаризм?

— Если система капиталистическая, это не значит, что в ней не присутствуют зерна тоталитаризма. Посмотри, что в Америке делали с чикагскими анархистами. И как оттуда выслали Эмму Гольдман. Я тебе сейчас еще вспомню про пару диагнозов психиатрических, которые там придумали: драпетомания, дизестезия.

— Я просто хочу сказать, что гарвардская форма, по-моему, никак не связана с проявлениями тоталитаризма. Понимаешь?

— Да, я абсолютно уверен, что у любой формы прямая связь именно с тоталитаризмом. Это прямое стирание идентичности и подчинение

общему, просто в некоторых режимах это более явно читается, в некоторых рассеивается.

— Гарвардская форма — это не общее. И оксфордская тоже. Ты знаешь, кем становятся их выпускники? Ни разу не заурядными серыми подчиненными мышками. Их форма — это как значок «я один из самых умных и перспективных людей своего поколения».

— Ну, форма СС тоже была значком — я самый умный и перспективный из всего человечества.

— Это не совсем так, в СС все было сложно. Значение формы Гарварда всегда одно и то же.

— Я говорю про признаки. В профессиональной армии не может не быть формы. А любая армия — это жесткая тоталитарная структура. Расстрельная дисциплина — это основа ее жизнеспособности во время боев. Как называют государство, которое начинает жить по простому армейскому принципу расстрельной дисциплины?

— Значит, все государства, где есть школьная и университетская форма, живут по этому принципу?

— Большая тоталитарная система складывается из признаков. Это один из них. Чем их больше, тем более тоталитарна эта структура. Очевидно, в Северной Корее этих признаков несколько больше, чем в Америке, поэтому она и выглядит более тоталитарной.

— Тогда, как в эту теорию встраиваются африканские республики?

— Так же, только картинка другая. Лени Рифеншталь очень интересовалась как белой, так и черной эстетикой. За что и получала всевозможные обвинения, сама знаешь в чем. Слушай, и с Африкой это вообще край. Я смотрел кино про неокOLONиализм. В Африку едут западные колониалисты вместе со своими миссионерами, и начинается цивилизаторский ад. Через год такой работы африканские дети сидят в школьной форме за партами. Африканские мужчины маршируют строем в форме. А женщины напяливают белые лифчики поверх своих украшений и повязок.

— Ты не думаешь, какой у твоей дочки может возникнуть конфликт со сверстниками?

— Я не думаю. И мне, честно говоря, наплевать. Какой может быть конфликт? Если у нее конфликты будут возникать, я думаю, она их сможет решить, наверное. Конфликт какой? Непонимания?

— Да, непонимания. Дети все-таки очень жестокие. Они могут начать издеваться, когда в какой-то момент войдут в то информационное поле, где делаются твои акции. Все-таки для большинства населения, детьми которых будут являться одноклассники твоей дочери, это будет дико, непонятно, просто городской сумасшедший. И дети будут транслировать позицию собственных родителей. Они скажут: «Мы учимся с дочкой современного художника». Родители ответят: «А, это тот, который прикрепляет яйца к Красной площади?».

И дальше твои дети будут с этим сталкиваться. Ты об этом думал когда-нибудь?

— То, о чем ты сейчас говоришь, это область перспективы, это в полиции любят обсуждать. Это как выстроить себе преграды на пути к своему же действию. Я могу сказать, по большей части я сталкивался со многими ситуациями, и я примерно представляю, как это воспринимают люди. Такая переизбыточная эмоциональная реакция, как правило, ее только в Интернете много. В реальной жизни, когда я где-то пересекаюсь с людьми, как правило, я вижу, что люди принимают все очень хорошо.

Один раз только в метро у меня была стычка с каким-то человеком, даже не стычка, а у него началась истерика, когда он меня узнал. Он узнал меня в вагоне метро, достаточно молодой парень. И он начал сверять с Интернетом, потом начал бегать по вагону. Мы едем, поезд едет. Он бежит по вагону и призывает людей восстать против меня, как-то объединиться.

Его ни один человек не поддержал. Он лез к людям с этим телефоном, от него просто отмахивались, типа гражданин бегающий. Я наблюдал, как люди реагируют. Не добившись поддержки, он стал меня обвинять, что я страну унизил, его унизил, площадь, что-то еще. По глазам людей было видно, что если даже они меня и узнали... Я не увидел среди этих людей какого-то непонимания или желания напасть. Люди скорее понимают, чем не понимают.

А дети, жестокость детей... Я не знаю.

— А ты как-то особенно воспитываешь детей, чтобы они могли противостоять тому, с чем они, скорее всего, столкнутся?

— Я даю им, может, какие-то необходимые навыки. Старшая, поскольку они не ходили в детские сады и такие структуры не посещали, она занимается шахматами и боксом. Младшая только боксом, для шахмат ей подрасти немного надо.

— Я так и подумала, что твои дети должны заниматься борьбой.

— Просто это, скорее, связано с тем, что это две девочки, как раз, скажем так, это некое размышление на тему положения женщин и навязывание некоторыми институтами, в частности феминизмом тем же, женщине положения жертвы. Феминизм тоже во многом этим педалирует — вот, женщина всегда жертва, а мужчина может побить. Да никто никого не может побить. Это просто вопрос отношения к этим вещам. Бьют, если один человек дает себя бить. И поскольку это девочки, я бы очень не хотел, чтобы они позволяли себя бить.

Когда между двумя людьми начинается конфликт и они начинают что-то друг другу говорить, пока дело касается только слов, один говорит, другой отвечает, у них происходит стычка. Когда начинается какой-то физический конфликт, то это уже навязанные обществом такие рамки, что один человек должен забиться куда-то под стол. Ничего подобного. Он не должен никуда забиваться.

— У тебя есть жена?

— У меня нет жены. Нет жены в том смысле, что это же позиционно. Что такое жена? Это начинается...

— Гражданская жена?

— Есть женщина, с которой мы вместе работаем, можно назвать ее другом, соратницей, при этом у нас все равно свободные отношения, потому что мы принципиально не являемся ответственностью друг друга.

У нас много там выстраивается по такому принципу.

— А ты готов морально, что тебя могут отправить в колонию, в психушку?

— Как морально?

— Ты понимаешь, что каждой акцией ты рискуешь туда попасть?

— Да, я не исключаю такой возможности.

— Тебя не останавливают дети, за которых ты несешь ответственность?

— Нет.

Вся эта тема — не останавливают ли меня дети? Если бы меня останавливали дети, то это были бы не дети, которым я могу что-то дать, они из детей превращаются в средство контроля и управления. Если я буду опираться в этих решениях на детей, на то, что дети вообще есть, то дети превратятся в инструмент контроля моих действий, и все.

— Я лично не верю, что тобой нельзя никак манипулировать с помощью детей. Приходят к тебе из опеки: ты, чувак, вообще асо-

циальный, мы твоих детей сейчас заберем и поместим их в детский дом. Это же вполне реальная ситуация.

— Не так просто это все будет им сделать. Они не могут просто так прийти. Я найду способ противостоять этому.

— А как ты найдешь способы противостоять?

— В частности, с помощью тех же адвокатов. Это все тоже поле перераспределения бумаг.

— Ты же понимаешь, что если они захотят, то они сделают.

— С большим очень шумом. Я не думаю, что шум, который начнется вокруг зверского нападения исполнителей из комитета на невинных детей, будет оправдан их желанием доставить мне какие-то мелкие неприятности. Не думаю. Тут причины должны быть реальные. Все не совсем так происходит. Я действительно знаю, что когда государству надо, оно приезжает на другую территорию, Украину, и похищает там людей. На самом деле я не знаю, что там и как было. Но суть в том, что когда надо, государство берет и делает, и потом его ничего не интересует.

— Если ты почувствуешь угрозу, ты как-то...

— Я предприму другие меры. Я не прекращу деятельность сам, потому что есть поле борьбы с этими бюрократическими, с этим аппаратами власти. Это область именованная, это их слабое место, через это они начинают работать против самого субъекта власти, скажем так.

Прежде всего, правоохранителей волнует именование, чем это назвать, не политическим искусством, а называть это преступлением или психической патологией. Это первое.

А второе — нейтрализация, каким образом ликвидировать это. А ликвидировать можно несколькими способами. Можно каким-то образом припугнуть или еще как-то надавить, может быть, создать какую-то тяжелую атмосферу или обстановку.

Первое — человек сам прекращает. Второе — такой способ, его иногда применяют, но он менее нежелателен — изолировать, посадить куда-то человека. Почему они сами стараются его избежать, особенно в этих случаях? Так будет шума больше. Лучше, чтобы человек сам прекратил, без шума.

Хорошо. Сам не прекращает. Второй метод не очень желателен. Третий — человек эмигрирует. Это для них самый хороший выход, добровольная самонейтрализация. Ты эмигрировал, где-то в новом контексте, у тебя новые проблемы, тебе надо как-то осваиваться. Ты сам себя ликвидировал, как проблему. Ты там где-то очень далеко. Ну и все, замечательно. Все очень рады.

Я действительно думаю, что самый нежелательный способ — закрыть человека, посадить, изолировать. И, поэтому, может, это и не происходит? Поэтому, если будет какое-то давление, я сам не прекращу. Я найду, что сделать с детьми, еще что-то, как эту атаку на меня превратить в проблему для власти, буду способы искать.

— Давай поговорим про твоих зрителей. В одном из интервью украинскому телеканалу

ты говорил, что искусство должно формулировать, потому что самим людям тяжело формулировать, так как государство их забивает. Твоя миссия — формулировать?

— Происходит рассеивание. Мы все, именно политически, находимся в схожей ситуации. В принципе с нами происходят какие-то конфликтные вещи, достаточно неприятные вещи. Вопрос в том, что происходит, что и каким образом. Все это так или иначе ощущают. Но проблема формулирования, то, что делают власти, — они рассеивают это. Человек читает новости, идет в магазин, на улицу или обязательную работу, и он видит, что почему-то все это плохо, но это «плохо» у него рассеяно.

— Ты формулируешь это для своей аудитории?

— Да просто для тех, кто это увидит и услышит.

— Когда ты формулируешь, если ты хочешь, чтобы твой посыл услышали, ты должен делать какую-то поправку на стереотипы людей, на культурный код, на то, к чему они готовы. Мне кажется, что в итоге получается, что те люди, которые нуждаются в каком-то объяснении, они просто не способны считывать твой посыл, а те, кто способен, не нуждается в объяснении. И получается некоторая бессмыслица, что ли.

— Те, кто способен, не нуждаются в объяснении, а те, кто не способен...

— Зрители федеральных каналов, увидев твои акции, максимум испытают неприятные

эмоции — неприятно, противно. Потом им скажут, в связи с чем ты это сделал. И это «неприятно и противно» как-то совместится с тем, для чего ты это делал.

— Я для этого как раз и работаю. У меня эти временные разрывы предполагаются, этот прецедент остается, а потом что-то происходит, и человек к этому возвращается. Мне писал один пользователь социальных сетей — в какой-то момент он был против, крайне против всего этого. Я что-то написал ему в ответ. И он рассказал в письме, что раньше много писал против, но потом столкнулся с какими-то ситуациями в жизни. Видимо, аппарат придавил где-то. Он теперь с этим действием согласен и стал извиняться.

— Тебе было приятно?

— Конечно, он подтверждает какие-то мои идеи.

— Это удивительный случай или такое периодически случается — я тебя понял наконец-то?

— Случается периодически, да. Тут работает диапазон человеческих реакций. Я могу сказать, что иногда я чувствую на себе весь этот диапазон. Когда готовится акция какая-то, у меня проносятся в голове разные общественные реакции в моменты большого напряжения. И когда ты как-то от него отстраняешься, есть понимание до какой-то степени. Почему даже в голове я могу это увидеть? Потому что одни и те же источники — Интернет, может, телевизор, газеты, еще что-то. Мы все питаемся из одних и тех же информационных источников. И с этим же диапазоном я позже